

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 15–23

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 15–23

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-15-23>, EDN: HMZLCI

Научная статья

УДК [811.161.1'282-25+811.161.1-26]38(470.44)

Вариативность жанра автобиографического рассказа в диалектной и литературно-разговорной речи (на материале Саратовского диалектологического корпуса)

Ю. В. Каменская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Каменская Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, kamenskayajv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8430>

Аннотация. В статье рассматривается специфика функционирования жанра автобиографического рассказа в диалектной и литературно-разговорной речи. Исследование проводится на материале Саратовского диалектологического корпуса и диктофонных записей носителей литературного языка соответствующей возрастной группы. Были определены характеристики автобиографического рассказа, общие для диалектного и литературно-разговорного дискурса, а также выявлены факторы, влияющие на функционирование данного жанра, – уровень коммуникативной компетенции, соотношение с жанром автобиографии в деловой коммуникации, структурирующие рассказ вопросы интервьюера. В беседах с носителями литературного языка наблюдалось в целом успешное выполнение коммуникативной задачи – выстроить автобиографический рассказ в хронологическом порядке. В автобиографических рассказах диалектоносителей хронологический принцип часто нарушался, повествование имело хаотичный характер: рассказ о детстве или молодости внезапно прерывался воспоминаниями о взрослой жизни, оценкой текущей ситуации и вновь возвращался в прошлое. Стройный в хронологическом и событийном отношении нарратив в диалектном дискурсе чаще всего обусловлен определенными особенностями языковой личности информанта, например наличием опыта публичного рассказа о своей жизни. Типичное автобиографическое повествование диалектоносителя характеризуется субъективностью (в соответствии с принципом эгоцентричности диалектного повествования) и фрагментарностью, отражает не все биографические этапы, но наиболее важные для информанта биографические точки. В текстовом корпусе можно проследить неоднократное воспроизведение таких ключевых моментов с незначительным варьированием в записях разных лет одного информанта. Ретроспективный характер автобиографического рассказа нередко способствует актуализации стратегии самопрезентации и самоидентификации. Выявлено, что стратегия самопрезентации носителей двух речевых культур имеет схожий характер, при самоидентификации для носителей литературного языка ведущим оказывается профессиональный принцип, а для диалектоносителей – локальный и родовой. Таким образом, вариативность жанра автобиографического рассказа обусловлена как идиолектными, личностными факторами, так и функционированием в разных типах дискурса – литературно-разговорном и диалектном.

Ключевые слова: диалектный дискурс, литературно-разговорный дискурс, речевой жанр автобиографического рассказа, Саратовский диалектологический корпус

Для цитирования: Каменская Ю. В. Вариативность жанра автобиографического рассказа в диалектной и литературно-разговорной речи (на материале Саратовского диалектологического корпуса) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 15–23. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-15-23>, EDN: HMZLCI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Variability of the genre of autobiographical story in dialect and literary-colloquial speech (on the material of Saratov dialectological corpus)

Yu. V. Kamenskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yulia.V. Kamenskaya, kamenskayajv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8430>

Abstract. The article examines the specific features of how the genre of autobiographical story functions in dialect and literary-colloquial speech. The study is conducted on the material of Saratov Dialectological Corpus and dictaphone recordings of native speakers of the literary language of the corresponding age group. The characteristics of the autobiographical story common to dialect and literary-colloquial discourse were

determined, and the factors influencing the functioning of this genre were identified – the level of communicative competence, correlation with the genre of autobiography in business communication, interviewer's questions structuring the story. In conversations with native speakers of the literary language, a successful implementation of the communicative task was observed – to build an autobiographical story in chronological order. In the autobiographical stories of dialect speakers, the chronological principle was often violated, the narration was chaotic: a story about childhood or youth was suddenly interrupted by memories of adulthood, an assessment of the current situation, and again returned to the past. A chronologically and event-consistent narrative in dialect discourse is most often determined by certain features of the informant's linguistic personality, for example, the experience of publicly telling about one's life. A typical autobiographical narrative of a dialect speaker is characterized by subjectivity (in accordance with the principle of egocentricity of dialect narration) and fragmentation, reflecting not all biographical stages, but the most important biographical points for the informant. In the text corpus, one can trace the repeated reproduction of such key moments with minor variations in the records of one informant of different years. The retrospective nature of the autobiographical story often contributes to the actualization of the strategy of self-presentation and self-identification. It was revealed that the strategy of self-presentation of speakers of the two speech cultures has a similar nature; in self-identification, the professional principle is the leading one for speakers of the literary language, and the local and generic ones – for dialect speakers. Thus, the variability of the genre of the autobiographical story is determined by both idiolectic, personal factors, and functioning in different types of discourse – literary-colloquial and dialect ones.

Keywords: dialect discourse, literary and colloquial discourse, speech genre of autobiographical story, Saratov Dialectological Corpus

For citation: Kamenskaya Yu. V. Variability of the genre of autobiographical story in dialect and literary-colloquial speech (on the material of Saratov dialectological corpus). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 15–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-15-23>, EDN: HMZLCI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Жанр автобиографического рассказа в диалектном дискурсе неоднократно становился объектом исследования [1–4]. Актуальность этого жанра в диалектной коммуникации обусловлена различными факторами, прежде всего тем, что диалектологи при знакомстве с информантами стремятся выяснить значимые для исследования говора и языковой личности информанта социолингвистические параметры – возраст, место рождения, состав семьи, род занятий, образование и т.д. Немаловажным для предопределения речевых жанровых принадлежности становится стремление диалектолога получить достаточно объемный связный текст, что легко достигается при демонстрации интереса к жизни и судьбе информанта. Рассказ о своей жизни и жизни своей семьи, не спровоцированный вопросами диалектолога, но актуализированный диалектоносителем, обусловлен одним из ведущих принципов диалектного повествования, обозначенным В. Е. Гольдиным как принцип *антропоцентричности и эгоцентричности* [5, 6].

В нашем исследовании осуществлено сравнение автобиографических рассказов диалектоносителей и носителей литературного языка той же возрастной группы (старше 70 лет). Такое сравнение продуктивно, поскольку вопрос о том, специфично ли диалектное общение, имеет ли оно типологические особенности, отличающие его от литературно-разговорной речи и городского просторечия, активно обсуждается [7–10]. Источниками исследования явились

материалы Саратовского диалектологического корпуса (СаРДК), представляющие собой расшифрованные тексты записей диалектной речи, сделанные в ходе экспедиций в с. Белогорное и с. Земляные хутора Саратовской области (1986–2019 гг.), а также диктофонные записи носителей литературного языка (мужчины-информанты – 79, 80, 81 лет с высшим инженерным образованием, женщины-информанты – 70, 72 и 79 лет с высшим инженерным и экономическим образованием).

При отборе диалектного материала был сформирован корпус текстов, в которых тема рассказа о своей жизни была инициирована просьбой диалектолога рассказать о себе, своей жизни. Мы стремились выделить тексты или фрагменты текстов, в которых реализовывался именно жанр автобиографического рассказа, несмотря на полижанровость и политематичность диалектного дискурса. По нашим наблюдениям, наиболее типичной оказывалось включение автобиографического рассказа в более крупное жанровое образование – «рассказ-воспоминание». Исследователи часто обращаются к специфике реализации этого жанра в диалектной коммуникации [11–13]. Одним из объединяющих два жанра параметров является их ретроспективность – информант повествует о прошедших событиях, которые имели непосредственное отношение к его жизни [14]. Вместе с тем при характеристике жанра воспоминания не все исследователи указывают в ряду тематических блоков автобиографический

рассказ, что, на наш взгляд, не совсем верно. Мы полагаем, что автобиографический рассказ – одно из важных составляющих крупного жанрового образования, а именно гипержанра «рассказ-воспоминание».

При формировании корпуса текстов нами учитывался преимущественно монологический характер записи, с минимальным количеством вопросов диалектолога, которые могли бы повлиять на структуру, композицию и тематическое наполнение рассказа диалектоносителя. Объем отобранных нами текстов значительно варьировался: это могла быть и запись всей беседы (50–90 мин. звучания), но более частотными были короткие автобиографические рассказы, представляющие собой небольшую часть беседы:

– А можете вы нам рассказать что-нибудь про село// Как прожили//

– Ну/ дочка/ конечно/ могу// Жизнь у нас прошла нелёгкая// Война// Мы остались немногими/ нам лет по двенадцать / по четырнадцать// И так вот жизнь и переживаем// Папу убили/ братьев// А мы вот остались малые дети с мамой// Так и выросли// И замуж вышли/ своих/ свою семью завели// Вот так и живём// Дети/ конечно/ с нами никто не живут/ не живут// Ну/ они щас/ теперь молодежь/ где учился/ там и остаются//

Беседы с носителями литературного языка были нами построены с использованием метода сфокусированного (направленного) интервью, при применении которого информанту задается конкретная тема – рассказ о себе, своей жизни. Такая коммуникативная задача может помочь информанту выстроить рассказ в хронологическом порядке – с рождения до настоящего момента, что и наблюдалось в текстах, записанных от носителей литературного языка.

В рассказах диалектоносителей хронологический принцип часто нарушается, повествование имеет хаотичный характер: рассказ о детстве может перемежаться воспоминаниями о взрослой жизни, обращением к текущей ситуации и вновь возвращаться в прошлое:

– Я-то местный все время// Но// Но родился-то я// Но зарегистрирован я здесь// Но меня привезли сюда/ уже мне было около двух лет// А тогда вот эта вот коллективизация/ и родителям пришлось отсюда уезжать// Ну/ жили они/ ну там под... под Чистополем// Ну/ потом/ когда немножко стихло// А этот дом так вот и был еще с дедушки// Когда стихло не-

множко/ они вернулись// Ну и меня зарегистрировали/ когда вернулись// Я так-то там родился в 36-ом/ а зарегистрирован в 38-ом// Ну ничего/ Вот// Было время// Вот тогда действительно было время тяжелое// Ох/ тяжелое! Ну что у отца была там лошадь да корова// На раскулачивать// Вот это вот... <...> А работал в Балаково/ в «Саратов-ГЭС-строе»// Как? До пен... ну да/ до пенсии/ правильно/ до пенсии// Ну/ вот// Там я как кончил ремесленный/ так там и остался// Там я все время проработал// Ну/ ГЭСы/ АЭСы – там ведь стройка была// я строитель/ я кончил институт после ремесленного-то/ я институт кончал как// Вечерний/ правда/ ну кончал/ это/ в Саратове вот в политехнике// Там бываю/ у меня в Саратове более или менее знакомые// Ездили мы туда на сессию/ на/ ну/ так это/ да ну и так/ иногда/ так это/ есть там у меня и знакомые и// Саратов мне довольно это// Ну вот/ это было сейчас уже 40 лет назад/ когда я закончил институт// Ну/ так что вот// Вон как/ жить только и радоваться/ девчата/ только радоваться// А ведь некоторые// Ну/ живи ты/ не ной/ да ну не ной!

Информант М. из с. Белогорное начинает рассказ о жизни с обстоятельств своего рождения, привлекая исторический контекст для объяснения того, почему он – уроженец этого села – рожден в другом месте (А тогда вот эта вот **коллективизация**/ и родителям пришлось отсюда уезжать). Следующим фактом автобиографии он указывает уже свое место работы с уточняющей временной отметкой (А работал в Балаково/ в «Саратов-ГЭС-строе»// Как? До пен... ну да/ **до пенсии**), затем с нарушением хронологии сообщает о получении образования (я кончил институт после ремесленного-то). Автобиографическое повествование смешивается с рассуждениями о жизни, информант дает сопоставительную оценку внутри концептуальной оппозиции «прошлое-настоящее».

Часто жанр автобиографического рассказа не выдерживается диалектоносителем, но сохраняется благодаря структурирующим беседу вопросам диалектолога, возвращающим рассказ информанта к автобиографическому повествованию:

– Скажите пожалуйста/ а в каком году вы родились?

– В тыщу девятьсот двадцать девятого/ первого мая//

– Первого мая!

– Май!// вот я и маюсь всю жизнь//
– Да/ это/
– Ведь руки-то какие!// я и косила в войну-то
и// (долгая пауза)

– А **расскажите о своей семье?** у вас/ на-
верное/ семья большая?

– Одна дочка здесь она вот//

– **Нет, ваша семья, ваша мама, отец//**

– А-а-а/ нас было четверо в семье/ брат/
который погиб/ комбайном задавило его/ и три
сестры/ щас все живые и все педагоги//

– А **вы были старшая сестра?**

– Нет/ я средней// вот так вот/ (долгая
пауза)

– И вы что ж/ тоже педагог? **тоже в шко-
ле работали?**

– Да/ тоже педагог/ тоже в школе рабо-
тала//

– Какой предмет преподавали?

– Я никакой/ я была в этом.../ в интернате/
воспитателем//

Стройный в хронологическом и событий-
ном отношении нарратив в диалектном дис-
курсе чаще всего обусловлен определенными
особенностями языковой личности информанта.
Например, такие хронологически непротиво-
речивые рассказы о своей жизни записаны от
ветеранов-фронтовиков. Это, вероятно, об-
условлено тем, что информанты имели опыт
таких рассказов перед аудиторией (например,
на встречах со школьниками), и, по сути, такие
повествования являются ярким проявлением
«рассказа-пластинки» [15, 16] – многократно
воспроизводимого рассказа:

– Да/ я был призван в эту/ в армию/ в со-
роковом году/ до войны// в армию/ меня зачис-
лили в полковую школу младших командиров//
она пятимесячная была// я три месяца про-
служил/ приготовился/ мне присвоили звание
ефрейтора/ и я командиром отделения этого
же стал в полковой школе// а старых коман-
диров отделения взяли на пополнение первой
половины двадцать первого года// да// ну пе-
хотное училище// а в сорок первом году/ ровно
в четыре часа/ Киев бомбили/ нам объявили/
что началась война// я четырежды раз ранен//
по госпиталям// ну залатают раны/ и обратно
на фронт// да// обратно на фронт// и все пять
лет/ мои страдания/ кровопролития// я был на
фронте// в сорок шестом году я уволился// уже
капитаном/ командиром батальона// рос/ прям
там на фронте// после ранения приезжаю/ тут
мне уже звание готово//

Структура автобиографического рассказа
в устном повествовании может сохраняться
вследствие ориентации на стандартные жанры
письменной деловой документации – анкеты
и автобиографии. Было бы справедливо пред-
положить, что для носителей литературного
языка, получивших высшее образование и мно-
го лет проработавших на различных предпри-
ятиях, жанр анкеты или автобиографии будет
организовывать и устный автобиографический
рассказ. А, в свою очередь, для диалектоно-
сителей, всю жизнь проработавших на одном
месте, в колхозе, письменные жанры не будут
столь значимы, не будет следов их актуали-
зации. Однако это оказалось не совсем спра-
ведливо. В речи многих диалектоносителей
проявлялись следы освоения жанров анкеты
и автобиографии, наблюдалось использование
канцелярских клише, свойственных данному
жанру деловой коммуникации, даты важных
автобиографических отметок (год рожде-
ния, год создания семьи, соотнесение своего
возраста с крупными историческими событи-
ями и т.д.):

• Я тут вот прожил в этом селе на войну
уходил от с этого села и возвратился сюда и вот
до сих пор никуда ни уезжал/ живу// Инвалид
отечественной войны вот видите/ у меня **оско-
лочное ранение**// вот ну механизатором всю
жизнь я проработал тут// **награжден орденом
Трудового Красного Знамени**// комбайнером я
двадцать с лишним лет работал/ комбайнером/
за высокие показатели меня-то наградили//
вот/ ну и семью тут нажил/ жена у меня
умерла в девяноста третьем году// два сына у
меня были тоже умерли//

• Девчонки/ война-то началась/ мне было/
война-то в сорок первом/ а я с **тридцать вто-
рого года**/ тридцать третий/ тридцать чет-
вёртый/ тридцать пятый/ тридцать шестой/
сороковой// **девять лет мне было**// Вот/ А отца
на фронт не брали/ у него зрение двадцать пять
процентов// А я у них самая первая дочь/ и мне
доставалось всех больше/

По нашим наблюдениям, диалектоноси-
телями в рамках автобиографического пове-
ствования использовались две разнонаправ-
ленные стратегии: жанр анкеты становился
для информанта структурообразующим или,
напротив, неприемлемым, неудобным. В том
случае, когда автобиографический жанр помо-
гал организовывать рассказ, информанты четко
выделяли основные периоды жизни – детство,

молодые годы, период создания семьи, время семейной жизни, работа, современный период:

– Сколько классов проучились? восемь? или четыре?

– Семь классов// осьмь... восемь не было/ а семь ток было// я кончила здесь четыре класса было// но я кончила в Аткарске// када вот// поехала/ устраиваться на работу/ на... на это/ в торговое училище// по направлению// я экзамены сдавала/ ездила в Энгельсе// корпоративная/ школа/ там экзамены сдавала// я сдала на четыре и пять/ круглая отличница/ хорошо// и меня/ было оставляли// а я не захотела/ отец у нас умер// как сразу после войны// матери тяжело// пенсия была знаете сколько девчонки?/ двенадцать рублей// и ведь/ трое детей// четверо// четверо детей// и чё// существовать-то как?// меня было это/ не отпускали/ на доске там почёта была// хорошие знания у меня были// не пускали меня// ты оставайси!// ты вот с/ там/ ну там ещё были// другие// факультеты// ведь ты будешь учиться/ и/ будешь уже не продавцом/ а/ хорошим/ человеком// я говорю нет/ я не могу// мать я говорю одна// и при ней/ я говорю/ трое детей// как она будет?// ну и отпустили/ а то не отпускали меня// я и в там/ в это было в техникум/ устроилась уже всё// отец умер/ и всё// тоже ушла оттуда// не могла// ну не на что// жить// а торговую школу я всё-таки я кончила там// год/ отучилась//

В целом автобиографическое повествование диалектоносителя характеризуется субъективностью и фрагментарностью, отражает не все биографические этапы, но наиболее значимые с точки зрения информанта биографические точки. Нередко информант неоднократно воспроизводит такие ключевые моменты своей жизни, незначительно их варьируя, что можно наблюдать в том случае, если в корпусе есть несколько текстов с элементами автобиографического повествования. Например, при актуализации автобиографической темы женщина-информант в беседах, записанных в разных диалектологических экспедициях, воспроизводит рассказ о судьбе своего мужа и своей нелегкой доле:

• Он/ контуженный/ три раза в голову/ был/ на фронте// Днепр переплывали/ зи... не зимой а осенью уже/ и у него/ бронхит хронический был/ потом вот перешёл/ в туберкулёз// фронтовик// тоже трагедия//

• Да/ муж тоже он на фронте был/ три раза контуженный в голову// а потом он/ пере-

плывал Днепр осенью/ и у него... (вдохнула) ой тоже страдал/ хронический бронхит/ и этот бронхит перешёл в лёгкие/ и всё/ его уж лет пятьсят нету/ я одна с дочкой// тоже хорошо хватнула/

• Он тоже офицером был// Днепр переплывал осенью// у него как раз воспаление лёгких было// его/ ну как/ списали что ли/ или освободили/ с фронта// а потом мы вот поженились// у него открытой формы туберкулёз/ и умер/ я вот все время одна/ со своей дочкой//

Часто информанты-диалектоносители, говоря о своей жизни, не выстраивают автобиографический текст, пропускают какие-то периоды, являющиеся типичными биографическими точками, или очень подробно останавливаются на других, значимых для них. При этом может наблюдаться отсутствие реакции на вопросы диалектологов:

– Ну расскажите нам что-нибудь о своей жизни!

– Ну и что рассказать? Как жила?! И что/ это вам интересно?

– Конечно/ интересно! Нам всё интересно! Мы изучаем историю/ культуру/ быт...

– В 21 вышла замуж <...> //

Здесь мы наблюдаем достаточно распространенный вариант тематической организации автобиографического повествования, когда информант пропускает период детства, рассказ о родительской семье, начиная повествование со времени создания своей семьи. Последующий рассказ данного информанта не ориентирован на автобиографическое повествование.

Рассказ о детстве диалектоносителей часто не вписывается в рамки автобиографии, поскольку центром повествования становятся не некие факты или события, но рассказ о лишениях, голоде, смерти родных, тяжелом труде. Нередко диалектоносители видят связь между своим тяжелым детством и своей дальнейшей жизнью:

– Но расскажите нам/ как вы замуж выходили/ нам интересно//

– Интересно//

– Да!

– Я уже забыла как выходила я вот не забыла как я росла в детстве// в два года у меня отец умер/ а брату было полтора а мне два с чем-то// вот отец он вот это/ я не забыла от голода опухали/ отекали// а сейчас соседка придет/ всё/ ты диету соблюдай/ похудеешь// а я эндо матюкнусь/ накой она мне эта диета-то/

я с голода умирала в детстве/ и братец-то/ ходили вот по окошкам// кто картофину/ кто две подаст принесет// если две/ то там с ним/ а если три/ то и маме/ да еще бабушка с нами жила// вот как жили//

В ходе беседы диалектологи специально пытаются актуализировать обычно интересную для женщин тему свадьбы, замужества, стремясь получить связный протяженный текст. Но информант эту тему не развивает, фокусируясь на теме трудного, голодного детства, как одной из самых значимых точек своей биографии. Более того, в других текстах, записанных от этого информанта, в рамках автобиографического повествования тема тяжелого детства является центральной.

Распространенной в нашем материале оказалась и стратегия отказа от автобиографического повествования, прямое противодействие попыткам диалектологов выяснить определенные анкетные данные:

– Как вас зовут/ какой год рождения ваш?

– **Да зачем/ куда меня/ в тюрьму штоль/ или куда/ куда я нужна?**

– Но вас бабушка Дуня зовут/ да?

– Да//

– А отчество?

– Семеновна//

– А фамилия?

– **Да не надо ничего писать-то/ куда уж нас старых эдаких/ а фамилия есть фамилия//**

– А родились в каком году?

– Вы где остановились?

– В доме участкового// А вот расскажите о себе что-нибудь/ баба Дуня? Вы здесь родились?

– **Здесь родилась и здесь помирать собираюсь/ вот интересного про себя нечего рассказать//**

Отказ от развития автобиографической темы совершенно необязательно влечет за собой прекращение беседы – диалектоносите́ль может охотно поддерживать и развивать другие темы.

У носителей литературного языка автобиографический рассказ, по нашим наблюдениям, имеет более четкую композицию и хронологическую последовательность повествования. Элементы жанра анкеты – структурообразующие клишированные выражения, даты и т.д. – актуализируются, но непоследовательно:

– Родился я в городе Полевском/ на Среднем Урале// Это город небольшой/ но с трудовой историей// Там было несколько крупных заводов/ два водоема искусственных/ река Чусовая

чуть дальше протекала// И был старый прииск Гумешки/ там когда-то малахит добывали// Золото при нас уже не искали/ но ямы/ где искали/ мне отец в лесу показывал... школу я закончил хорошо/ с серебряной медалью// в институт поступил и жил сначала на квартире/ мы с ребятами снимали/ а потом уж общежитие дали// учиться сначала тяжело было/ еще и работал/ а потом/ как пошли на старших курсах специальные предметы/ стало легче/ и интереснее// нас хорошо учили/ много давали и практики/ на защитах дипломов всегда было много с заводов// Но меня в Саратов распределили/ все завидовали – там же Волга! <...>

Год рождения, годы обучения в институте и начала работы после его окончания информантом не проговариваются, состав родительской семьи выявляется из дальнейшего повествования, фрагментарно, о составе своей семьи сказано вскользь. Но хронология событий сохраняется, выделяются основные биографические точки – место рождения, школьные годы, учеба в институте, создание семьи, работа. Самой объемной частью дальнейшего повествования становится рассказ о работе, о специфике работы предприятия, на котором всю жизнь трудился информант, о сослуживцах.

Женщина-информант также выстраивает свое повествование в четком хронологическом порядке, но начинает автобиографический рассказ с момента начала взрослой самостоятельной жизни, о детстве и семье рассказывает уже после окончания своего повествования, после наводящих вопросов:

– Расскажите о себе/ о своей жизни//

– **Прямо биографию?** Ну ладно// Приехала я из своего поселка в Энгельс в 16 лет/ поступила на мясокомбинат/ сборщиком ящиков// Работала/ старалась// Но и не только/ в самодеятельности участвовала/ пела// Потом подумала/ что же я так и буду? Поступила учиться в СГУ/ на географический/ вечерний// работала уже в Саратове/ на СЭПО/ ориентированием занималась/ в ДК «Россия» пела// все успевала// А потом вышла замуж за шалопая//

В последующем автобиографическом повествовании рассказ о работе занимает значительную часть, далее по степени значимости для информанта идет рассказ о семье и об увлечении (ориентирование, туристическое движение).

По нашим наблюдениям, носители литературного языка выстраивают автобиографический рассказ в хронологической последова-

тельности и в целом придерживаются рамок автобиографического жанра. Это происходит, вероятно, в силу более высокой коммуникативной компетенции и понимания коммуникативной задачи, которую они выполняют по просьбе интервьюера.

Поскольку автобиографический рассказ имеет ретроспективный характер, мы можем наблюдать различные проявления саморефлексии, в том числе актуализацию стратегий самопрезентации и самоидентификации. По нашим наблюдениям, при реализации стратегии самопрезентации как у носителей литературного языка, так и у диалектоносителей происходит четкое разграничение «я сегодняшний» и «я в прошлом», т. е. наблюдается некое отстранение, свойственное нарративу, предполагающее существование временной дистанции между рассказчиком и описываемыми событиями:

- **Я такая трудолюбивая/ обязательная тетка была/ все бы работать//**

- **Мне бы тогда серьезно спортом заниматься/ может/ много бы получилось// но и работать уже надо было/ и семья уже была/ трудно//**

- **Я частушки хорошо пела/ плясала лучше всех/ мне бы в артистки пойти/ да куда там//**

- **Я глупая такая была/ ничего не знала/ целоваться вообще стыдно было//**

- **Я/ конечно/ тогда дурной был/ но уже на втором курсе понял// если не начну учиться/ из института вылету/ да и интересно было//**

Для автобиографического рассказа носителей литературного языка очень значимыми становятся вопросы самоидентификации. Процесс самоидентификации, т. е. осознанное или бессознательное формулирование, экспликация идентичности, причисление себя к какой-либо социальной группе или группам, помогает человеку определить свое место в социуме и становится одним из текстообразующих элементов автобиографического рассказа: информант стремится не только рассказать о себе, но и осмыслить свою жизнь, идентифицировать себя с некоей общностью. Наиболее частотным в нашем материале оказалась самоидентификация носителей литературного языка по профессиональному параметру:

- **Мы были молодые специалисты/ ИТР/ это был очень интересный круг//**

- **Мы в разработке работали/ не в приеме/ а в разработке// Я тогда ушел на повышение/ Тихонова сделали начальником отдела/ но это**

ошибка была/ он недолго проработал/ не раз-работчик он был// технологом так и остался//

Самоидентификация в автобиографических рассказах диалектоносителей также может реализовываться как осознание принадлежности к некоей профессиональной группе:

- **Конечно/ завидный жених! я был тракторист/ в звании/ потом... по тем временам/ это считалось/ тракторист/ выше на целу голову/ рядового колхозника// вот я потому и тракторист// это раз// а второе/ я был/ «натист»/ в то время/ только еще малы трактора пошли//**

Как показывает наш материал, такая профессиональная самоидентификация имеет гендерную обусловленность и свойственна информантам-мужчинам. Женщины-диалектоносители редко используют номинацию по профессии в функции самоидентификации – либо не называется профессия вообще, либо используется конструкция «я работала + сущ. в творительном падеже» часто с перечислением нескольких профессий или мест работы:

- **И свинаркой/ и телятницей/ и бычачницей всеми работала/ до 60 лет работала/ Ну пенсию хоть заработала...**

- **Лет 8 работала в этой бриг... в отряде учётчиком// Так вот и работала/ работала// А потом/ когда уже вышла замуж/ в семьдесят шестом году/ родился у меня первый сынок// Он щас живой// Вот тогда уж я ушла на работу/ на разные работы ходила/ куда уж бог пошлёт//**

- – А по профессии вы кто?

- **Никто.**

- А кем работали?

- **В колхозе куды пошлёт// И значит на быках работали/ возили вот снопы шкирдовали/ солому шкирдовали в омёт клали/ а снопы вот мы/ мы же яблоки/ когда уж вот подросла, мы косили рожь косами**

- – **Везде!// и дояркой/ и пояркой// и этой.../ курьшатницей (смеётся)// птичницей/ чтоль/ как сказать/ и веяли/ на току вот работали// и в зернохранилище// ну вот где/ говорили/ работали/ ну/ такие вот работы были/ да/**

- А дояркой долго работали?

- **Три года я прям вплотную работала/ да// дояркой/ три года я работала// потом только дети вот пошли/ ну вроде уж муж стал зарабатывать/ ну и я/ это/ бросила/ дояркой-то//**

Такое, по сути, отсутствие самоидентификации себя по профессиональному признаку у женщин-диалектоносителей связано с тем, что

основной тип самоидентификации для них – семейная роль (жена, невестка, мать). Исключения обусловлены получением профессионального образования в техникуме или училище:

– Кой как и жили/ потом я заочно стала учиться/ Культпросвет кончила/ потом педагогический/ то работала/ в школе двадцать с лишним лет/ то в клубе одиннадцать// вот и вся моя жизнь// <...> интернат/ это близлежащие села/ с них детей возили// кто на лошади/ кто на машине/ на школьной// школьная машина была// в субботу/ воскресенье то провожаю их/ то встречали// я очень строгая была// пятьдесят шесть человек было// Марь Пална идёт!// чего?// чё это шепчется/ Марь Пална идёт!// что-нибудь набедакурили?// нет/ а он мне нынче/ вот...// а/ ну-ка/ встаньте все!// встанут// это мой метод был/ воспитания// кто кого обижал?// ну-ка!// вы одна семья/ запомните!// нельзя друг друга обижать/ вы как братья и сестры!// начнут// ну никто не знал про наши нужды// всякие беседы с девочками/ беседы с мальчиками// интересуются// Марь Пална/ а чё это вы с ребятами говорите?// я чё надо/ то и говорю!

Общим для диалектоносителей – и мужчин, и женщин – становится самоидентификация по локальному признаку [17], в рамках оппозиции «город-деревня», причисление себя к деревенскому, родовому социуму.

Таким образом, мы можем подвести предварительные итоги. Автобиографический рассказ в устном неофициальном общении (и в диалектном дискурсе, и в литературно-разговорной коммуникации) является частью структуры гипержанра «воспоминание». В рамках автобиографического рассказа актуализируются разноуровневые воспоминания человека о значимых событиях своей жизни – о месте рождения и проживания в детстве (особенно в том случае, когда человек сменил место жительства), о различных жизненных периодах, о связи своей жизни и событий, важных для страны. Носителям литературного языка свойственно более четко выдерживать структуру и хронологическую последовательность повествования. В автобиографическом рассказе диалектоносителей значительно чаще наблюдаются хронологическая непоследовательность и лакуарность повествования, отсутствие важных биографических периодов и фиксация на одном или нескольких значимых для информанта биографических точках. Часто

автобиографический рассказ позволяет актуализировать стратегию самопрезентации или дает возможность самоидентификации. Вариативность жанра автобиографического рассказа обусловлена как идиолектными, личностными факторами, так и принадлежностью к разным типам речевой культуры.

Список литературы

1. Волошина С. В. Концепт «Жизнь» в речевом жанре автобиографического рассказа: константы и трансформации (на материале диалектной речи) // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 42–48. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48>
2. Лагута Н. В. Жизненный путь амурского старожила в языковом воплощении (на материале автобиографических рассказов) // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2010. № 8. С. 137–157. EDN: QAENYR
3. Толстова М. А. Вербализация представлений о мужчине в женском автобиографическом рассказе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 4. С. 117–125. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-4-117-125>
4. Волошина С. В. Дидактическая функция автобиографического рассказа (на диалектном материале) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 25. С. 38–54. <https://doi.org/10.17223/23062061/25/3>
5. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 3–7.
6. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
7. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог-2008» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М. : РГГУ, 2008. С. 268–273.
8. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Строение и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии : сб. ст. / отв. ред. Л. Л. Касаткин. Т. 3 (9). М. : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2008. С. 414–427. EDN: PYEMQX
9. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2002. 312 с.
10. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2006. 240 с.
11. Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «Рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 66–72. EDN: TCBQVF

12. Гынгазова Л. Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики : материалы Всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века» (Кемерово, 01–03 декабря 1997 г.). Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 167–174. EDN: PTMDCG
13. Кормазина О. П. Жанр воспоминания в живой речи приморцев: к вопросу о возможности варьирования // Слово : фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск : АмГУ, 2014. Вып. 11. С. 156–162.
14. Волошина С. В., Демешкина Т. А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
15. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Рассказ-пластинка в диалектном социуме // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе : тезисы докл. Междунар. конф. (Москва, 30 октября – 01 ноября 2015 г.). М. : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. С. 25–27. EDN: UWGROF
16. Бурова Е. Е., Рачёва А. А., Чекмез У. Э. Рассказ-«пластинка» vs спонтанный нарратив в свете сопоставительного анализа языковых особенностей // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 5. С. 48–68. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-48-68>.
17. Демешкина Т. А., Толстова М. А. Локальная самоидентификация жителей сибирского села (на материале автобиографических рассказов) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 16–22. <https://doi.org/10.17223/15617793/470/2>

Поступила в редакцию 16.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024;
принята к публикации 14.11.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 16.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024;
accepted for publication 14.11.2024; published 28.02.2025